

Чуньнян не стала дожидаться ответа Сы Вэя и тут же продолжила:

— Не знала я, что второй молодой господин из поместья господина Лю повадился гонять деревенских девок с поручениями в весёлые дома.

Сы Вэй промолчал.

В словах хозяйки отчётливо сквозила язвительность.

Но перед ним стоял заказчик — точнее, заказчик его заказчика... Сы Вэй помедлил мгновение, но отступить не стал, встретив её испытующий взгляд:

— Чуньнян ведь уже догадывается, зачем я здесь? Пусть дева Цзиньли уже не в нежном возрасте, но здесь, в уезде Цзю, у неё всё ещё есть шанс побороться за первенство.

Он сделал короткую паузу и неторопливо продолжил:

— В конце концов, Цзиньли — ваша подопечная. Если она вернёт себе былую славу, вы ведь тоже не останетесь в накладе?

— Кто же в здравом уме откажется от звонкой монеты?

Чуньнян с любопытством усмехнулась:

— И что же за способ ты предлагаешь? Выкладывай.

Сы Вэй вежливо присел в традиционном женском поклоне, но держался при этом с достоинством, без тени заискивания:

— Всё зависит от того, какую возможность заявить о себе вы готовы предоставить деве Цзиньли.

Чуньнян погрузилась в раздумья. Сы Вэй воспользовался этой паузой, чтобы лучше рассмотреть собеседницу. По меркам здешних мест тридцать с небольшим — возраст почтенный, многие женщины в эти годы уже нянчили внуков. Однако Чуньнян умудрилась сохранить зрелое очарование. Былой девичьей тонкости в её фигуре уже не угадывалось, но по лицу и величавой осанке было ясно: в юности она блистала красотой.

Пожалуй, главное различие между древними и современными женщинами крылось именно в этой трудноуловимой стати. Мягкая сдержанность или томная нега, мимолётная улыбка или хмурый взгляд — в каждом движении, в каждом вздохе чувствовался покой, давно утраченный

в суете безумного будущего.

Разумеется, замарашек из деревни Линьвань, где ютился теперь Сы Вэй, это не касалось. Чернявые, худые, точно мартышки, тамошние девчонки ловко лазали по деревьям за птичьими гнёздами и шастали босиком по мелководью в поисках рыбы. Между ними и воспитанницами Башни Весенней реки — пусть даже те и не были благородного происхождения — лежала непреодолимая пропасть.

Лишь годам к семи-восемь, когда приходила пора задумываться о замужестве, деревенских девчонок начинали строго ограничивать в вольности. Их приучали к скромности, заставляя неловко подражать манерам благородных барышень. А после свадьбы жизнь в доме мужа окончательно стирала их индивидуальность. Одних тяжёлый крестьянский быт превращал в покорных, замученных хозяек, других — в крикливых, склочных баб, от чьего визга не было покоя всей округе.

Сы Вэй поймал себя на том, что его мысли унеслись слишком далеко. Он поспешно вернулся к реальности, стоило Чуньян заговорить:

— Сегодня тринадцатый день двенадцатого лунного месяца. Новый год на носу, пора готовить Банкет в канун Нового года. В такие праздники у наших девиц работы не впрок. В эти дни к нам съезжается вся местная знать, чиновники и поэты.

Она многозначительно умолкла на мгновение, после чего добавила:

— Они собираются компаниями, состязаются в изящной словесности, пьют вино и ищут общества прелестных наперсниц, чтобы предаться сладостному забытию в объятиях дев. Где много гостей, там неизбежно соперничество, — Чуньян посмотрела с холодным расчётом. — Слава здешней девицы измеряется щедростью её покровителей. Чем больше серебра ради неё тратят, тем выше её цена и положение в нашем заведении.

Но с какой стати мужчинам раскошеляться именно ради неё?

Эту мысль Чуньян озвучивать не стала. Она лишь небрежно звякнула крышечкой пиалы и равнодушно бросила:

— Просила дать ей шанс заявить о себе? Считай, что ты его получила. Коли преуспеешь — даже деве Цзиньли платить не придётся, я лично выдам тебе награду в пятьдесят лянов серебра. Но коли провалишься... Девчонка, запомни: живой тебе из Башни Весенней реки не уйти. Как минимум ноги переломаем.

Она медленно подняла глаза, смерив Сы Вэя тяжёлым взглядом:

— Мне всё равно, сама ты это выдумала или за твоей спиной кто-то стоит. Если за твоими

речами кроется истинное мастерство — прекрасно. Но если ты задумала разыграть меня и выманить деньги... Ради покоя своего заведения мне придётся проучить тебя так, чтобы другим неповадно было. Чтобы впредь ни одна бродячая собака не смела здесь безобразничать.

Это была классическая игра в кошки-мышки — сперва посулить сладкий пряник, а затем замахнуться тяжёлым кнутом.

Будь Сы Вэй обычным карманником или глупым пронырой, решившим сорвать лёгкий куш, он бы непременно растерялся под таким давлением и выдал себя с головой.

К счастью для него, трусом он не был.

Угрозы хозяйки не произвели на него никакого впечатления. Сохраняя абсолютное хладнокровие, он лишь вежливо склонил голову:

— Не сомневайтесь, вы всё увидите сами.

Его невозмутимость заставила Чуньян удивлённо прищуриться, но расспросы она прекратила:

— Что ж, ловлю на слове. Посмотрим, на что ты способна. Цинлу! Проводи гостью к вам и приготовь ей постель. До кануна Нового года осталось меньше двадцати дней. Чтобы не тратить время на дорогу туда и обратно, проживёшь пока у нас. Едой тебя обеспечат.

Она небрежно махнула рукой:

— Идите.

Услышав приказ, Цинлу торопливо поднялась с колен и звонко закивала. Однако Сы Вэй мгновенно переменился в лице. Он не удержался и сделал шаг вперёд:

— Прошу прощения, хозяйка, но у меня дома тяжело больная родственница, её нельзя оставлять без присмотра. Позвольте мне возвращаться на ночь...

— Вон оно что, — усмехнулась Чуньян. — Оказывается, у тебя кто-то есть. А я-то грешным делом подумала, что ты круглая сирота, которой некуда податься, раз уж решилась попытать счастья в Башне Весенней реки. Выходит, ошиблась?

Сы Вэй прикусил язык. Действительно, приличные люди в такие места по доброй воле не приходят, и только крайняя нужда могла привести сюда одинокую девушку.

Сы Вэй отчаянно хотел вернуться домой — ведь там его ждала госпожа Ю. Но хозяйку

заведения тоже можно было понять. Ни один разумный купец не станет рисковать делом. Чуньян просто опасалась, что девчонка заберёт серебро и ищи-свищи её в чистом поле.

Немного подумав, Чуньян крикнула наружу:

— Старуха Лю! Отправляйся-ка с ней. Раз уж у девчонки дома больной человек, нужно кому-то за ним приглядеть. Проверь, хватает ли дров, риса, масла и лекарств. Обо всём доложишь мне лично.

Затем она бросила холодный взгляд на Сы Вэя:

— Если всё выгорит, расходы на содержание твоей родни вычтем из обещанных пятидесяти лянов. Но ежели дело провалится...

Хозяйка медленно поднялась из-за стола, приблизилась и наклонилась, пристально вглядываясь в его лицо.

Сы Вэй замер, не шевелясь и не отводя взгляда. В его чистых, прозрачных глазах отражалось лишь лицо Чуньян.

Спустя минуту та снисходительно хмыкнула и, шелестя шелками, величаво поплыла к выходу. Служанки тенью двинулись следом. Лишь старуха Лю осталась стоять посреди залы.

Издали донёсся равнодушный, затихающий голос хозяйки:

—... Если же ничего не выйдет, то с твоей смазливой мордашкой и дерзким нравом ты всегда найдёшь тёплый приют в нашей Башне Весенней реки.

Как только шаги стихли, в просторной зале раздался громкий, облегчённый вздох. Это была Цинлу, которая от страха едва дышала всё это время. Заметив взгляд Сы Вэя, она виновато шмыгнула носом и выдавила робкую улыбку.

Старухе Лю на вид было за сорок. Её гладкие седеющие волосы были аккуратно уложены волосок к волоску, а на круглом лице сияла добродушная улыбка. С виду — типичная заботливая нянюшка. Однако Сы Вэй слишком хорошо понимал, какие люди выживают в подобных заведениях, и эта вкрадчивая мягкость лишь заставила его насторожиться.

— Погляди-ка на свои сапожки, дева, — сочувственно покачала головой старуха Лю, увлекая Сы Вэя и Цинлу к выходу. На ходу она уже вовсю раздавала указания: — Цинлу, егоза, пулей лети к госпоже Чжао за чистым одеялом. Постели госте в вашей комнате. Да найди у девчат какие-нибудь старые туфли её размера на смену. И не забудь заглянуть на кухню — принеси чарку имбирной настойки, надо бы растереть её озябшие ноги.

Спорить с авторитетной прислужницей Цинлу не осмелилась. Она лишь поспешно поклонилась и умчалась выполнять поручения.

Сы Вэй попытался осторожно высвободить ладонь из цепких, мозолистых пальцев старухи, но та держала его мёртвой хваткой. На лице пожилой прислужницы не дрогнул ни один мускул. Словно не заметив робкого сопротивления, она ласково продолжала:

— Вот натрём тебе ножки, согреешься, а потом попросим Цинлу принести грелку с горячей водой. Сразу в кипятки лезть не смей, глупенькая! Сейчас-то полегчает, а через день кожа струпьями сойдёт. В такую стужу и взрослому мужу тяжело, а тут совсем ещё дитя на улицу выгнали. Простуда ведь снизу идёт. Коли застудишь чрево, девка, потом и родить не сможешь. Женское тело холода не терпит. Ты по глупости своей беречься не хочешь, а как повзрослеешь да замуж выйдешь — локти кусать будешь.

Сы Вэй лишь молча терпел это кудахтанье.

Всю дорогу до жилых комнат старуха без умолку болтала о всяких пустяках, искусно переплетая житейские советы с ненавязчивыми расспросами. Она явно пыталась выведать, откуда взялась эта странная гостья.

Сы Вэй отвечал осторожно, мешая крупы правды с откровенным вымыслом. Доверять слугам из весёлого дома было верхом глупости, но иного пути у него не оставалось. Госпожа Ю лежала в лихорадке, и оставить её без ухода в холодной лачуге он не мог. Приходилось идти на компромисс.

Было очевидно, что просто так его из Башни никто не выпустит.

В итоге старуха выведала всё: и где находится его дом, и чем занемогла матушка, и почему он, прослышав про Башню Весенней реки, решился на столь отчаянный шаг ради спасительных монет.

Старуха Лю сочувственно похлопала его по руке:

— Совсем дитя ещё... Какое счастье, что ты к нам пришла, а не к разбойникам каким или бессовестным сводникам. Там бы тебя вмиг обобрали да в кабалу за забор загнали. Ты не бойся, девочка. Наша хозяйка сама из низов поднялась, горькую долю знает и сироток зря обижать не станет.

Она заговорщически подмигнула:

— Коли и впрямь сумеешь деве Цзиньли былой блеск воротить да помочь нам эту беду избыть — получишь свои пятьдесят лянов до единой полушки. О будущем пока не загадывай, но обещанное хозяйка выплатит честно.

Сы Вэй послушно опустил глаза, изображая робкую благодарность. Однако про себя горько усмехнулся: «Обещанное-то она выплатит... А как насчёт того, что останется за рамками уговора?»

<http://bllate.org/book/18280/1758280>